

— У нас в гостях Дарина Маяцкая, координатор центра «Ковчег» в Ереване. Дарина, давайте расс тем, кто не знает, что такое «Ковчег» и чем он занимается.

— Это проект, который помогает людям, уехавшим из России после 24 февраля из-за своей антивоенной позиции и неприятия войны в Украине.

— Это чисто гуманитарный проект или у него есть какой-то политический смысл политические задачи

— Политическим его можно назвать с натяжкой. Конечно, мы в том числе хотим сохранять комьюнити небезразличных к судьбе России людей. Их за границей объединять и помогать им продолжать по мере сил бороться с путинской властью, участвовать в российской политике, косвенно, может быть, через распространение информации.

— Но все-таки проходит же митинги, организованные «Ковчегом».

— Это правда, да, да.

— Как вы думаете, насколько в эмиграции можно в принципе влиять на то, что происходит в России? Как вы себе это представляете: люди уехали в Армению, они пытаются бороться с Путиным, выступать против украинской войны и значит, что называется, приближать светлую Россию будущего. Все это выглядит, на мой взгляд, немножко непонятно если не сказать, странно.

— Способов борьбы с войной, с кремлевским режимом огромное количество, это не только прямое действие, не только выход на какую-то акцию, не только участие в выборах, это в том числе распространение информации с целью поменять общественное мнение, мы знаем людей, которые выехали со своими медиапроектами, и это медиа-проекты, которые в регионах являются единственным и последним источником независимой информации. Они имеют возможность, выехав уже за пределы России, ее распространять, имеют возможность создавать контент. Кто-то выходит на митинги в Ереване либо просто потому что он уже оказался в Ереване, либо уезжает в Ереван, потому что в России у него есть преследование, и здесь они показывают, что россияне разные. Есть огромное количество россиян, которые против этой войны, и они выходят на митинг за себя и за тех, кто остался в России и не можете себе позволить выйти.

— Они показывают, а кому они показывают?

— Россиянам, которые, может быть, ещё выбирают себе позицию, и они показывают друг другу. Они показывают таким же россиянам, которые против и которые нуждаются в том, чтобы осознавать, что они не одни.

— Я еще в России, когда смотрел по интернету, как люди выходят к посольству РФ в Лондоне, в Париже, в Берлине с плакатами «Путин должен уйти», понимал, что есть в этом какой-то абсурд: люди в чужой стране прогоняют Путина, которого там нету. Насколько все это в принципе эффективно? После этого сразу уходит Путин? Ведь нет.

— Как мы видим, ни после какого митинга, не важно, где он проведен, на Красной площади или около российского посольства в Ереване, Путин не уходит.

— Насколько много политизированных людей в этой иммиграции? Я говорил с армянским правозащитником Артуром Сакунцем, который занимается иммигрантами, по его прикидкам политически активных россиян в Армении около пяти процентов максимум. Получается, что это иммиграция в целом аполитична.

— Да я согласна, что политически активных людей в этой иммиграции не так много, но их в целом в России, к сожалению, не очень много. Страна на протяжении десятилетий выдавливала политическую активность из людей, делала все для того, чтобы люди от политики отворачивались, чтобы даже они считали, что любое гражданское

действие — это уже участие в политике. То есть, мы же понимаем, что эко-активизм какой-то, градозащитный активизм, урбанизм работа с незащищенными группами населения — это все на самом деле не политика, это просто гражданская позиция. А у нас стране уже даже это притягивается к политике и карается. Поэтому страшно заниматься вообще всем, страшно даже писать в соцсетях свою позицию. Откуда возьмется большое количество политических активных людей в этой миграции, если у нас их в принципе немного?

— Вы сказали страшно. Но страшно было там. А сейчас мы в безопасности, и непонятно, почему страшно здесь. Почему люди не высказываются?

— Ну до этого поменять свою модель мышления, свою модель поведения, привыкнуть к совершенно другим паттернам, и у разных людей это занимает разное количество времени, все общаются в разных кругах, кто-то видит примеры сильного выражения гражданской позиции. А у кого-то этих примеров в круге общения нет. Кто-то, например, уехал не окончательно, живет на две страны, периодически ездит в Россию и поэтому ведет себя осторожно, чтобы иметь возможность возвращаться, потому что там родственники, бизнес, что-то еще. Кто-то не хочет себе закрывать путь обратно.

— Тут очень много таких людей. И это отдельная важная тема, потому что в безопасном спокойном Ереване я смотрю на приехавших русских, и я вижу у них страх. Люди приходят на протестные митинги, закрывая лицо, люди боятся высказываться люди, в общем, довольно часто запрещают снимать себя, очень неохотно представляются, и все это наводит на такую печальную мысль, что иммиграция не выход. Люди уехали и продолжают бояться.

— Я даже по себе понимаю, что избавление от страха — это достаточно длительный процесс. Я приехала в марте 2022 года практически сразу после начала войны, и еще несколько месяцев после переезда боялась местной полиции, то есть с одной стороны ты разумом понимаешь, что они ничего тебе не будут делать, они не будут тебя хватать, но в целом, когда ты видишь человека в форме, ты пытаешься перейти на другую сторону улицы, чтобы с ним не столкнуться, просто потому что ты настолько запуган российской полицией, что мечтаешь больше никогда ни с какой полицией мира не встречаться, и проходит это не сразу. Это проходит не на следующий день после того, как мы прилетаем в Ереван. Это сохраняется еще какое-то количество времени. Плюс то, что я уже говорила: какие-то люди ездят периодически в Россию и прекрасно понимают, что на них точно так же могут составить протоколы за участие в митинге в Ереване или за то, что они выкладывают пост в соцсети, например, называя войну войной, находясь в Ереване, а потом летят в Москву. И там их штрафуют за этот пост.

— Я знаю, что при «Ковчеге» работает психолог и, насколько я знаю, не один. В этой связи, скажите, если можно, люди, которые приходят с проблемами такого плана в «Ковчег», они насколько сильно травмированы, насколько сильный стресс у них, и причина этого стресса.

— И, и само сознание, что твоя страна агрессор, и последствия иммиграции ввиду того, что это расставание с домом, расставание с близкими людьми, может быть, у кого-то потеря работы — это все гигантский стресс. Я вообще эти моменты, походы на несанкционированные митинги, где тебя могут задержать, отвести в отдел, оставить там ночевать, постоянные угрозы обысков, особенно в преддверии праздников дня Конституции, дня флага, или перед объявленными акциями, походы на допросы и все задержания друзей, знакомых — для меня это было уже абсолютно в порядке вещей. Ну, как бы у всех бывает, у всех происходит. Я, только приехав сюда и начав общаться с армянами и рассказывая им, поняла, насколько это ненормально. Я поняла, как сильно у меня это было вплетено в жизнь. И я, например, помню 9 мая в прошлом году, когда я

даже не задумывалась, ну, естественно, я в Армении не стала задумываться о том, что мне не нужно ночевать своей квартире, потому что, вероятно, утром придет полиция задерживать или что-то еще, что я спокойно могу остаться дома и утром ничего не произойдет. В России я прекрасно понимала, что так не будет, что за неделю до объявленной акции ты должен куда-то уехать и желательно не появляться рядом со своей квартирой.

— Я правильно понимаю, что в России у вас были довольно большие риски?

— Ну, смотря с чем сравнивать. Я всегда торгуюсь, я понимаю, что я не была самым лакомым кусочком для путинской власти.

— Чем вы занимались?

— Помощью независимым кандидатам на выборах, я состояла в «Открытой России» — это организация оппозиционная.

— И насколько я знаю, признанная нежелательной.

— Уже два раза признанная нежелательной. То есть, в целом какие-то риски были, но всегда были люди, у которых эти риски намного выше, намного сильнее как бы, поэтому казалось, что не так уж и страшно, как я уже говорила. Казалось, что в целом эти риски есть у всех, с кем общаешься.

— И вот мы уехали, но при этом полная безопасность так и не наступила. Все мы знаем, что непосредственно в Армении, в этой иммиграции, в русской эмиграции работает много спецслужб, есть такое ощущение, что они за нами присматривают. Я знаю, что был кейс с прослушкой.

— Был разговор части эмигрантского сообщества в связи с подготовкой какого-то митинга или просто они встретились в кафе. Я сама суть разговора, суть встречи не очень помню. Да, ребята встретились в кафе, и потом через какое-то время в интернете появилась запись их разговора. Как это технически было сделано, тоже потом были разные вопросы. То ли за ними следили и сняли их условно соседнего столика, то ли кто-то из них сам записал это и, не знаю, куда-то отправил. То есть ситуация, что один кейс с записью разговора был, но при этом у меня в принципе позиция, что естественно наблюдают, естественно следят и, если ты хочешь, чтобы что-то осталось совсем уж в тайне, то как бы не нужно в публичном месте или как-то еще с не очень близко знакомыми людьми это обсуждать. Как говорят, что если в чате больше одного человека, значит, этот чат читают спецслужбы, поэтому тут вопрос только в личном самоконтроле. Какую информацию ты выносишь и озвучиваешь в каких кругах общения. Ну просто очевидно, что они присматривают за нами.

— Насколько я знаю, ваша фамилия там же тоже фигурировала во всех этих сливах и прослушках. Но просто мне кажется, на этом фоне легко развивается паранойя, потому что ощущаешь, что Россия крепко держит тебя за горло и не отпускает. И как вот этим ощущением жить?

— Ну, я, видимо, просто еще в России ко всему этому привыкла, потому что, ну на самом деле, еще в России я последние, наверное, лет пять не разговаривала по сотовой связи. То есть я созванивалась только через мессенджеры по любым вопросам со всеми друзьями, знакомыми и родственниками, и у меня это не вызывает все паранойи, для меня это просто какие-то стандарты жизни. Мы же когда дорогу переходим, проверяем, там есть ли машины, едут ли они.

— Мы же уехали, чтобы этого не было.

— Ну, я понимаю, что это будет везде, потому что в целом мир не в безопасности. Это не только нас касается, это просто касается кого-то больше кого-то меньше, в целом

мир и каждый человек мира не в безопасности, пока существуют тираны в любой из стран.

— Скажем про это прямо: очень много проблем в Армении из-за России, а у нас российские паспорта.

— Очень много вообще в мире проблем из России а у нас российские паспорта. Но паспорта — это в большинстве случаев та вещь, которую мы не выбираем. У нас российские паспорта, потому что мы там родились, а не потому, что мы сознательно выбрали стать гражданами страны, которой управляет Путин. И мы можем показывать что, несмотря на то что у нас российские паспорта, мы адекватные в общении люди. Несмотря на то что российские паспорта, мы люди которые стараемся узнавать культуру Армении и соответствовать ей. Например, несмотря на то что у нас российские паспорта, мы люди, которые помогаем сборам гуманитарной помощи и беженцам из Украины и беженцам из Арцаха.

— То, что вы сейчас описали, это называется хороший русский.

— Для меня это называется просто человек. Хорошей себя не считаю. Когда я только приехала, не то что я специально отказывалась от знакомства с Арменией, просто мне казалось, что мы сейчас уже скоро поедem обратно, вот буквально через пару недель. И ну вместе с этим было много работы, поэтому первое время я, честно признаться, невольно оказалась живущей в гетто, в замкнутом в себе мирке, а потом поняла просто, что это скучно как минимум. Мы уже в Армении. Такая страна, история, кухня, природа. Бери что хочешь, многие мечтают приехать сюда в отпуск, а мы как бы здесь уже живем и ни на что внимания не обращаем. Просто захотелось выйти во внешний мир

— Ну, вот это в самом деле разные абсолютно стратегии. Мне кажется, иммиграция делится на части. Одни приехали и пытаются начать новую жизнь, некоторые — у них как будто прошлое отрезало. А вторые ждут, когда можно будет вернуться. И тут вспоминается столетней давности иммиграция, которая ждала лет, наверное, 70.

— Они еще возвращались некоторые. Это мои любимые истории.

— Как вам кажется, кого больше?

— Мне кажется, что именно в Армении больше людей, которые хотят поехать куда-то еще, к сожалению. Больше людей, которые не связывают свою жизнь дальше с Россией. И, например, даже настолько, что у меня есть много знакомых, которые возвращаться не собираются в принципе даже там через 50 лет, через 100, даже если сменится режим, даже если Россия станет демократической. Они говорят, что ну, съездить посмотреть можно будет просто в гости, а вот именно возвращаться и жить они не собираются. И люди разных возрастов с разными профессиями со всеми просто полностью уже не видит себя с Россией, но они ещё пока не знают, в какой стране они хотят жить. То есть потому что ну вообще тяжело решить вот так вот прямо осознанно. Ну, то есть Россию, как я уже говорила, никто из нас не выбирал, родились там, росли и жили. А тут нужно уже прямо выбрать страну, то есть это тяжело, и вот очень большое количество людей, с которыми я общаюсь, они не могут придумать, не могут решить не могут выбрать страну, с которой хотят связать свою жизнь.

— Мне сказал абсолютно ослепительную фразу один парень, эмигрант. Он сказал, что Армения — это своего рода Чистилище, в котором решается, что с тобой будет дальше. Вот мы сейчас последний год находимся в Чистилище.

— Я не согласна с этим парнем, я не воспринимаю так прекрасную страну, я общаюсь с людьми, которые уехали в разные страны, потому что у меня и друзья, знакомые разъехались сейчас по всему миру и по работе. Мы много обсуждаем и общаемся, и в Армении мы к счастью избежали огромного количества проблем

эмиграции, то есть мы избежали немецкой бюрократии, здесь нет всех этих проблем. Мы избежали языкового барьера, который есть во многих странах, потому что все-таки здесь огромное количество русскоязычных армян и практически не возникает сложностей в общении.

— Давайте скажем тогда тоже прямо, что мы здесь избежали агрессии.

— Да, мы избежали агрессии, которая в разных странах случается, поэтому для меня это не Чистилище, это уже больше на рай становится похоже.